

ҚИРА ЧЕКМАРЕВА

Кира Чекмарева
Мой единственный век...

«Тип-Топ»

2017

ББК 84(2Рос-Рус)7-5

Чекмарева К.

Мой единственный век... / К. Чекмарева — «Тип-Топ», 2017

ISBN 978-5-906097-22-4

В книгу включены поэтические произведения из сборников «Преображение» (1994), «Хлеб и вино» (1996), «Серебро» (2000), стихотворения 90-х, не вошедшие в предыдущие издания, а также стихи последних лет. В оформлении книги использованы рисунки автора.

ББК 84(2Рос-Рус)7-5

ISBN 978-5-906097-22-4

© Чекмарева К., 2017

© Тип-Топ, 2017

Содержание

О поэте	6
Преображение	8
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Кира Чекмарёва

«Мой единственный век...»

Стихи Киры Чекмарёвой обладают довольно редким свойством. Обычно, слушая стихи, устаёшь: иногда – от однообразия, иногда – от скудности их объективного содержания, и чаще всего даёшь, в ответ юному автору совет читать классиков, работать над стихом. Тут мы имеем дело с другим явлением: голос молодого автора звучит своеобразным тоном, и именно поэтому является желание их сгруппировать в единое целое и дать им обобщающее имя, как путь к растущему самовыражению.

Будь у меня время и силы – мне 98 лет – я бы села за составление сборника. Но, может быть, стихотворный опыт поэта справится сам с этим делом. А мой непомерный возраст даёт право – а если право, то и долг – непременно составить и издать сборник, чтобы им обогатить нашу стихотворную литературу. А мне остаётся благословить этот труд.

Анастасия Цветаева 10.01.93 г.

© Чекмарёва К.А., 2017

© Издательство Кетлеров, 2017

* * *

О поэте

*Я ль пишу, иль пишет мой удел
Столь прекрасный, сколь невыносимый?*

Кира Чекмарёва – москвичка, окончила в 1990 году Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева (ныне Российский химико-технологический университет – РХТУ). Член Союза писателей России с 1997 года.

В январе 1993 года Кира была представлена Анастасии Ивановне Цветаевой, читала ей свои стихи и получила благословение издать сборник. Рекомендация А.И. Цветаевой послужила предисловием к первому сборнику.

Прошло десять лет. Выполнен завет Анастасии Ивановны – изданы уже три поэтических сборника: «Преображение» (1994), «Хлеб и вино» (1996), «Серебро» (2000). И, хотя тиражи этих изданий невелики (всего по 500 экземпляров), сборники не остались незамеченными в огромном книжном потоке. Приведём некоторые отзывы о творчестве Киры Чекмарёвой.

Киры Чекмарёвой досталось лихолетье. Это не моё определение – её собственное. Тревожным паролем поколения проходит оно сквозь стихи сборника... Тайна рождения поэта – всегда тайна. Но для меня в данном случае, может быть, самое главное – именно вот это быстрое обретение поэтической зрелости, когда подростковая инфантильность и неизбежная в юности подражательность решительно вытесняются своим собственным взглядом и незаёмным голосом... Меня покорили не только её стихи, но и авторское отношение к ним. Полная поглощённость чувством, мыслью, словом – и абсолютное отсутствие каких бы то ни было «пробивных» данных. В этом она тоже поэт истинный... Радуюсь, что вы встретитесь с прекрасным и умным даром. Если достанете книгу (в ней около двухсот стихов), перед вами раскроется действительно целый мир. Глубокий, интересный мир человека очень тонкого и чистого, не приемлющего лжи и предательства, размышляющего о жизни, о смерти, о вечности, о Боге, о Родине, о дружбе, о любви. Талант столь трепетен и беззащитен в жестоком, безжалостном мире! Как свеча на ветру. Вспомнишь Марину, чей дух живёт в Кириных стихах и чья сестра – не даром же! – напутствовала, благословила эту книгу... Уверен: будущая поэтическая антология нашего смутного и трагического бытия не обойдётся без стихов Киры Чекмарёвой.

Виктор Кожмяко, «Правда», 18 января 1995

...Не изменять себе, не изменяться,
В чужих пирах не пробовать вина!

Откройте наугад любую из первых страниц, прочтите несколько строк – и, если вы ценитель поэзии, вы уже с этим никогда не расстанетесь. А позже, когда читаете всё, обнаружите, что строки из этой книжечки «запали» к вам в самую душу и живут своей жизнью, выплывают по какому-то им самим известному случаю, поддерживают, ведут, создают настроение... На рубеже веков читателя ждёт подарок – истинная поэзия

редчайшей глубины и красоты, ещё не оценённая в полной мере даже самим автором, в некоторых стихах приподнявшей завесу...

Дмитрий Таланкин, из предисловия к сборнику «Серебро», – М.: «Памятники исторической мысли», 2000

И одна у нас мера – высшая
За причастие человечеству.

При абсолютной самобытности творческого почерка поэтессы (Кирры Чекмарёвой) есть в её стихах что-то от Марины Цветаевой. Причём это «что-то» проявляется отнюдь не в сюжетах и рифмах. В интонации, быть может. В ритме. Вот, например: «Всем торжественные речи, Вам божественные губы. Всем – медлительные встречи, Вам – позёмка, вихрь, шубы». В нескольких строках заключена история души и страсти. И зримый образ весёлого зимнего безумства...

Где-то у Кирры промелькнуло – «царский покроей матери». По аналогии можно сказать о царском покрое её стихов. Даже камерные исповеди о любви масштабны, распахнуты в вечность и бесконечность: «На все века – неразделимы. Одними ветрами гонимы. Одними звёздами хранимы».

Молодая поэтесса – человек глубоко религиозный, и поэтому многие её стихи звучат как молитвы. В них немало раздумий, светлой печали. Есть тени, но нет темноты. Есть совсем простые. Ясная простота таланта:

Завтра, значит, будет просто
День хороший для знакомства,
Будет очень много солнца
И приятных новостей!

Неоднократно приходилось слышать, что самый сложный барьер для поэта – стихи для детей. Кира Чекмарёва его преодолела. Сама молодая мама, она в последнем сборнике «Серебро» представила блистательный цикл. Одной ей ведомым образом реконструировала рассыпающуюся с возрастом лучезарную картину детства, когда несколько травинок – лес – и несколько росинки – дождь.

Солнце сядет за осинки,
Стихнут зайчики в траве,
И у белочек росинки
Заблестят на рукаве.

У Анастасии Цветаевой есть тоненькая книжечка «О чудесах». Всю жизнь они её сопровождали. И встреча на закате жизни с творчеством юной девушки, принявшей эстафету поэзии Серебряного века, тоже чудо. Вне всякого сомнения.

Лариса Ровнянская, «Москвичка», № 1, 2002

Преображение 1988–1994

*Где, жизнью перемножена в уме,
Таит Безгранность истину движенья?
В осколках отраженья или в тьме,
Что за пределами любого отраженья?*

«...Ещё благословляю вас – писать...»

...Ещё благословляю вас – писать...
Благословляю каждое мгновенье,
Когда нам удалось не быть, а стать.
Так тварь благословляет День Творенья,
Её призвавший из небытия...
(Господь благословляет, а не я,
Он создал нас по Образу – творцами!)
Благословляю сердцем и руками,
Подъявшими уверенность строки,
Благословляю серебром Оки
И детства мимолетными часами,
И зрелости стоячею волной,
И старости короною незримой,
Всей купиной души неопалимой,
Всей белоснежностью и синевою,
Всей горечью полыни и морской
Воды – всей сутью, и земли – всей солью,
Разбившихся – благословляю болью —
Летать! Доколе небо высоко!

7 октября 1993

Касьянов день

Оглянись в Касьянов день на февраль
И замри у края льдистой реки,
Ощути снегов морозную сталь,
Разбуди весну пожатьем руки.

Оглянись в Касьянов день на судьбу,
Разберись, кто в чём был прав-виноват —
Выбирай какую хочешь тропу,
Но не жги мостов – вернёшься назад!

Этот день то есть, то нету его,
Так послушайся и остановись.
Может, странного здесь нет ничего,
Но прошу: в Касьянов день – оглянись!

1 марта 1988

«Горбатый мостик – в небо...»

Горбатый мостик – в небо,
Как на качелях – в детство,
Вниз – быль, повыше – небыль,
Извечное соседство.

Извилистость бульваров,
Окрашенная грустью.
Наш путь – старее старых —
Вниз – от истоков к устью,

Вверх – от всего на свете!
Чудесные мгновенья!
Лишь в переулках этих
Вся жизнь – как откровенье.

20 февраля 1988

«Ушедшие строки – жаль...»

Ушедшие строки – жаль,
Растаял в ночи их след.
Ушедшие строки – жаль,
Ушедшие слёзы – нет.

Ушедшие годы – жаль.
Упасть бы в их тёплый свет!
Ушедшие годы – жаль,
Ушедшие слёзы – нет.

Какая с утра капель!
Какая в душе метель!
Весны прозвенел хрусталь:
Ушедшие слёзы – жаль!

10 марта 1988

«Недостижимо равновесье детства...»

Недостижимо равновесье детства,
Когда и счастье, и беда – рекой!
И так не волновало их соседство —
Благословен младенческий покой...

Тех лет неповторимейшее небо,
Гораздо выше и стократ синей,
На крошки щедро брошенного хлеба
Роняющее в окна голубей!

**«Поля бескрайни – как
моря бескрайни...»**

Поля бескрайни – как моря бескрайни,
Как радость – через край и до небес!
Я никогда не буду пташкой ранней.
Прими меня, мой полудённый лес!

Я оставляю полю все тревоги
И, запрокинув голову, стою,
В себя вбирая все твои дороги
И мудрую уверенность твою...

12 марта 1988

Прага

Слушай!.. Прорвавшись сквозь время,
Звуки стекают в хрустальный богемский бокал.
В зале, покинутой всеми,
Стынет мелодий слегка потемневший опал.

Прага лежит, притаившись,
На перекрестке свободно бегущих веков.
Что-то прошепчет, забывшись,
Шелест давно отзвучавших на камне шагов.

Муза пленённого ветра —
Ввысь, в черепичный и древнезелёный простор!
Кружит мелодия ретро
В гордом миноре и без перехода в мажор.

Июль 1988

«Прости. Я разучилась улыбаться...»

Прости. Я разучилась улыбаться.
Я помню только, что была зима.
Мечты мои привыкли не сбываться,
И в снег глядеть привыкла я сама.

Мне зелень лета перестала сниться,
Не верится в грядущее тепло,
И заморозил ветер на ресницах
Слезинок горьковатое стекло.

Пусть ночь всё скрыла крыльями своими —
Одна звезда всегда сияет нам,
И я скорей твоё забуду имя —
Но куст калины затоптать не дам.

12 марта 1988

«Когда беспощадность ременных петель...»

Когда беспощадность ремennых петель
Предстала реальностью, в угол зажав,
И камни, покинув земную постель,
Мелькают в руках, злую силу собрав, —
Не смей опускать головы перед правдой своей!

Пусть тело свела неподвижность оков,
Все вымажет ложь чёрным дёгтем речей.
Немало фальшивых картонных крестов
Сгорело в воздетых руках палачей.
Не смей опускать головы перед правдой своей!

И граду камней наступает предел
Антрактом в театре вселенских страстей.
Но смена придёт лишь тому, кто сумел
Остаться собой перед правдой своей!
Не смей опускать головы перед правдой своей!

Сентябрь 1988

«Молчание пустых квартир...»

Молчание пустых квартир —
ответом множеству вопросов.
Прохладные ладони стен,
прижатые к пыланью лба.
Сожжённые мосты дверей,
захлопнувшихся перед носом.
Не то чтобы потерял ключ —
здесь просто нет давно замка.
Здесь просто нет давно пути
по указателю «обратный».
Со ржавым скрипом за спиной —
решётки через каждый шаг.
Здесь, правда, есть одно окно
и вид через него приятный,
И сталь стекла спасёт тебя
от всевозможных передраг.

Не ветер с не твоих вершин,
тебе в лицо – сквозняк пленённый.
Вослед за ним тебе не ждать
вестей в конвертах голубых.
Ты спишь спокойно – нет проблем,
твой сон – разбойник приручённый.
Твоя тюрьма тебя хранит
при обстоятельствах любых.
Твоя тюрьма всегда с тобой,
всегда в тебе. Режим усилен.
Все посещения пресёк
тупой, нелепейший закон.
Попытка к бегству – не расстрел,
а хуже – возвращенье силой
В пустую комнату, к двери
с давно потерянным замком.

23 октября 1988

«Я здесь пройду миллионы раз...»

Я здесь пройду миллионы раз —
Меня никто и не заметит.
Что делать, слишком много нас
На переполненной планете.

Витрины застеклённых глаз,
Пустынный берег, край столетья...
Что делать, слишком мало нас
На переполненной планете.

12 ноября 1988

«Пусть написанное мне письмо...»

Пусть написанное мне письмо
На холодном ледяном ветру
В металлическом неуютном ящике
Не грохочет бездушной льдинкой.

Пусть распахнутое мне окно
Не щетинится остриями
Безобразного яркого света,
От которого режет душу и глаза.

Пусть не сказанное мне одно
Незаметное милое слово
Не станет песчинкой наждака,
Приложенного к моим ранам.

Пусть приснившиеся мне стихи
Не разбиваются в острые брызги,
Впивающиеся в лицо,
И без того залитое слезами...

Пусть встающее мне солнце
Зазвучит на высокой ноте
В резонанс с колебаниями сердца.
Может быть, в нём проснётся надежда.

9 октября 1988

«Душа уходит. Год от года...»

Душа уходит. Год от года
Мельчайшие частицы нас
Уводят вереницей строгой
Изображенья наших глаз.

На зазеркалье обернуться
Не хватит ночи и свечи,
Но что ушло – не дотянуться,
Ворота в сон не отпрутятся —
Не те ключи.

Не пожалеть – привычкой смыта
Боль расставанья всякий раз,
Пока хранимы кем-то скрыто
Изображенья наших глаз.

И лишь в пожары в ветхом доме,
Где ветер, пепел вороша,
В осколки зеркало уронит —
Никто не вздрогнет, не догонит —
Уйдёт душа.

22 декабря 1988

«Нам нечего будет сказать ожидавшему нас на дороге...»

Нам нечего будет сказать ожидавшему нас на дороге,
Мы тихо пройдем, мы ему не посмотрим в глаза.
И наши минуты молчанья печальны и строги,
И истины наши опять в похоронные дроги
Проводит Харон, беспардонно друг с другом связав.

Болотистый берег. Прощанье. И лодка уходит.
Туманы над Летой – и наш близорукий прищур.
Но снова фальшивый рожок на дорогу выводит,
И снова затопчут одетого не по погоде,
И выпустят своры на след из промозглых конур.

Опять мы идём по дороге, устало сбивая
Поломанным древком росу с пожелтевших кустов.
С отчётливой скукой мы истинам новым внимаем,
Но взгляд у подручных Харона всегда узнаваем,
И царство Аида не знает обратных мостов.

2 октября 1988

Деду

Мы ненависть познали как урок
Внезапного вниманья к нашим судьбам.
Примеры предыстории не впрок,
Как видно, оказались нашим судьям.

И снова возбуждаема толпа
Забытым было криком – «Враг народа!»
Она кричит, но, в сущности, – нема,
Она буравит взглядом – и слепа,
В почёте также глухарей порода.

Со стенкой стенку сталкивать рабов —
Спокон веков забава господина.
Иметь избыток развитых мозгов
Роскошно слишком для простолюдина.

И головы летели под откос
С отнюдь не молчаливого согласия
Толпы рабов, четырежды рабов,
Которых жадно волновал вопрос,
Кого ещё им растерзать на части.

Рабы – в священном страхе и в пыли,
А кровь – уже не в силах испаряться.
О люди, люди, как же вы могли,
Трусливо, подло, – как же вы смогли
От данной вам свободы отказаться?!

Сентябрь 1988

«Когда-нибудь родятся те...»

Когда-нибудь родятся те,
Кому не будет страшно слово.
Его напишут и споют
Не нам и не о нас.

Когда-нибудь вернутся те,
Кому отпущено немного.
Их Млечный, невозвратный путь
Свернёт на этот раз.

Тем, кто ушёл недосказав —
Пребудет музыка нетленна.
Свиданье кончено – рассвет
Без трёх минут.

Из наших мимолётных прав
Одно лишь неприкосновенно —
О памяти не говорят,
Её поют...

12 июня 1989

«Закончено. Всё просто и убого...»

Закончено. Всё просто и убого.
И десять точек – словно десять звёзд.
Два отражения – и плачет строго
Оплавший воск.

Два отражения, туман дыханья лёгок,
И в тех глазах – вопрос на мой ответ.
Во всех пучинах и у всех порогов —
Лишь лунный свет...

Лишь лунный свет... И солнцу на потребу
Не оторвусь от выцветших страниц.
Мне не поднять своей улыбки небу —
Там слишком мало незнакомых лиц.

11 января 1989

«Когда дано не будет слову...»

Когда дано не будет слову
Стать оправданием всему,
Ни от кого я не приму
В алмазном инее подкову.

Ни на одном из трёх углов
В июльском пыльном переулке
Я не роняла свёрток гулкий
В хитросплетение дворов.

Не мне вернут, не мне протянут
Стальную шпагу в глушь болот,
И чёрный плащ в толпе обманет —
Не мне мелькнёт!

Не мне лететь, в крови умытой,
Над запрокинутой Москвой.
Ах, Маргарита, Маргарита,
Закат какой!

11 декабря 1988

«Последний день как первый – синь и пуст...»

Последний день как первый – синь и пуст,
Лишь золотое небо – грань событий.
И некому сказать: «Повремените,
Не кончен спуск...»

Далёких звёзд, что нас ведут, не счесть,
Божественно немых и безучастных,
Но первый час луны кроваво-красной
У ночи есть.

Последний взгляд покинутому городу
Благословлен немислимой луной...
И остроухий пёс поднимет морду
И уведёт хозяина в покой...

7 апреля 1989

«Не оставляйте непрочитанных страниц...»

Не оставляйте непрочитанных страниц
В тех письмах, что сжигаете под вечер.
Неверье в смерть, пожалуй, много легче
Неверья в жизнь.

Бессвязный сон, бессмысленный сюжет,
Всё больше пауз, песни всё короче,
Неверье в счастье да простится проще
Неверья в свет.

В те ночи, когда жгут свои слова,
Становятся не старше, а старее.
Но до финала – глубже и сильнее —
Ещё глава.

В ней будет боль, власть темноты и страх,
Безумье сатанинского обмана
И тяжесть воскрешённого романа
В твоих руках...

14 апреля 1989

«А когда-то будет поздно...»

А когда-то будет поздно.
А тогда – всего лишь свечка
Гасла. Боже, как серьёзно
Наступал тогдашний вечер!

И сияло счастьем лето
И казалось – бесконечным,
И творилось чудо это —
День, помноженный на вечность.

А когда иссякнет манна,
И предаст меня Иуда,
Вот тогда я встречу странный
День, помноженный на чудо.

И когда затихнут споры
О бесчестии и хлебе,
Выпью чашу, выйду в город —
И исчезну в синем небе...

10 июля 1991

«Я – ослепший ребёнок...»

Я – ослепший ребёнок
В разрушенной церкви дорожной,
Перепутанным временем
Пойманный, как янтарём.
Неопознанный мир,
Потерявшийся первый прохожий,
Заблудившийся солнечный день
Под осенним дождём.

Я стою на пороге
Последнего летнего года,
Обращаясь к зиме,
Словно к тайной служанке своей.
Завтра – снег, завтра я
Поступлю в услужение к ней
И уже никогда не узнаю,
Что значит свобода.

А пока – непреложное право
Рожденья земного —
Я с собой забираю всё небо
В вечерний полёт.
И скажите тому,
Кто за мною под вечер придёт,
Что до ночи заложник
Отпущен под честное слово.

«Я не вижу причин для отказа, —
Посланник сказал. —
Пусть себе, до захода
Осталось не так уж и много».
...До последнего летнего мига
Прозревшим глазам
Будет чудиться в звёздной пыли
Золотая дорога...

Июнь 1990

Голос

Мне будет голос дан, хоть он и не обещан.
На перекрёстках – в полночь или в полдень,
Где шум толпы и гарь, где мало песен —
Мне будет голос дан.

Мне будет голос дан, когда не будет права
На одиночество в безумии познания,
В начале и в конце повествования —
Мне будет голос дан.

Мне будет голос дан, когда, закрыв кредит,
И мы положим руку на гаданье.
На неосуществимом расстоянье
Свеча горит за те из наших звёзд,
Что гаснут раньше сроков в нашем небе.
Мы много плачем о насущном хлебе,
Но мало знаем о природе слёз.

Мне будет голос дан – и головокруженье
Шампанским – в гранях смысла по ночам.
Не торопись в рассвет и пробужденье,
Свеча горит – хоть на одно мгновенье —
Мне будет голос дан!

11 марта 1989

«Не стрела – а заноза...»

Не стрела – а заноза,
И не боль – просто зуд.
Уберите угрозы,
Замолчите про суд.

Этот брошенный город
Обойти б стороной,
Да молитвы и голод
За высокой стеной.

Расписные ворота —
Под прибитым щитом
Не сыскать позолоты —
Где уж золоту-то!

Показалось – и правда —
Здесь давно тишина.
Просто в сердце неладно,
Да и память больна.

Да, непросто вернуться
И не проще – уйти,
А наутро проснуться
В параллельном пути!

Я уйду, не судите:
– Сдуру, мол, сгоряча —
Вон алтарь, поглядите —
Там погасла свеча.

Вон окно, убедитесь —
В нём упала звезда.
Пахнет пеплом. Молитесь,
Чтоб не рваться сюда!

19 января 1989

«Лети, душа, ночным пожаром...»

Лети, душа, ночным пожаром
Тебе горит ещё маяк.
Забудь, что был в преданье старом
Заклятья знак.

О, как же весело и жутко
Идти по звёздам, зная твердь,
У пропасти помедлить чутко —
И замереть...

Итак, полёт! И это небо —
Насмешкой тонкий звон в стекле,
И тихий вздох того, кто не дал
Полёта мне.

8 февраля 1989

«Наши свечи прозрачного воска...»

Наши свечи прозрачного воска,
Наши тени – горчащего дыма,
Наши звёзды горели неброско,
Но сгорали так невыносимо...

Наши руки тянулись в дали,
Слепо резались о запреты.
Сквозь кровавый огонь в бокале
Воск и память провозглашали
Независимость нашей жертвы.

Но на самом излёте ночи,
За мгновенье до смуты утра
Мы неверье своё порочим
Жаждой чуда.

И песок от просторной Леты
Отсчитает мгновенья встречи.
Сны о звёздах, сгоревших где-то,
Быстротечны.

Будет жертвенной струйка дыма
Над тяжёлыми каплями воска.
Наша память невозбранима,
Тише, время! Да будем даримы
Мы рассветного сна отголоском...

14 марта 1989

«Новоявленные англичане...»

Новоявленные англичане,
Одного с нами роду и племени,
Не прощаясь идут, не прощаясь,
Потому, что уходят от времени.

Ночь объявлена ночью бездымных огней —
Больше пепла!
Кто тут станет решать, что нужней и важней
Всё по ветру!

Жгут картины и песни, и наших отцов —
Ночь без веры!
Дым в развалинах слеп. Но какие в лицо
Дуют ветры!

Продолжения ждут ночи длинных ножей
В наших детях...
Мы без прошлого шли – мы вернулись уже
В ночи эти...

Как прекрасно, родившись в июле,
Проклинать «эту лютую стужу».
Мы не знали её – и не нужно!
Мы зато её перечеркнули.

Мы заставим покаяться грешников,
Мы других посежём всенародно.
Мы седем с великой поспешностью,
Благо пепел в продаже свободно.

Мы идём по прекрасному саду
(Правда, кто-то сказал – по пустыне).
И теперь мы поём только «правду»,
Ту, что правдой считается ныне.

Оболваненное поколение
Посреди покаяния пошлого
В безвременье идёт, в безвременье...
Потому, что родилось без прошлого,
Потому, что уходит без прошлого.

13 мая 1989

«Мы знали страх и стыд в чумном пиру...»

Мы знали страх и стыд в чумном пиру,
Но чтили небо за кристальность утра.
У горизонта было изумрудно,
А стало пепельно, когда сожгли траву.

Закрой глаза. Я чту обман за мягкость истин.
Мы будем жить. Огонь бушует рядом.
Свой приговор выносит мир идеалистам.
Но что-то с нами было сном, а стало – адом...

Где уходили – там бросали дом,
Где каждый метр крошечным льдом облеплен,
И ждали света в вечной тьме потом,
Так и не зная, что давно ослепли.

Одной вселенной мало всем твоим скитальцам!
Твоя любовь, земля, предавших топит болью.
Бог с ними на чужих ветрах, но только
Ослепших глаз не заменить ослепшим пальцам.

Где оставались – там теряли путь
К прекрасной сказке – старой и достойной,
И каждый бредил личной колокольней,
Предоставляя остальным тонуть.

Нет возвращенья – сожжены мосты
Для тех, кто вырос на скрещеньи лжи и правды.
Но изумрудные нам снятся травы
По пепельным провалам пустоты...

26 мая 1989

«Запомни встречающих нас у пустых берегов...»

Запомни встречающих нас у пустых берегов.
Здесь дали нам право забыть переплытые реки.
Нам вслед догорело фамильное золото века,
И новое время чужих не признало богов.

Наш снег был для многих лишь иней, несущий прохладу,
Мы – дети озёр и не знали порогов крутых,
Но, как испокон, мы своих почитали святых,
Познавших всего лишь бездарную копию ада.

А то, что мы знали, храня золотые дары
Прошедшего века, – ложилось на ноты негласно
И создало нас в несогласии с веком опасном,
Признавших условия, но не реальность игры.

Пора подведения итогов подходит не к нам,
Но – сумерки века – и наши туманы всё гуще.
В местах, где нас нету – по-прежнему чуточку лучше,
Но мы почему-то по-прежнему здесь, а не там.

Вечернее солнце... Кому-то – недлящийся путь,
Кому-то – подсчёты оставшихся строк небогатых.
Дай, Боже, нам силу – принять неизбежность заката,
Дай, Боже, нам слабость – стремиться с дороги свернуть.

5 июля 1989

«Мы торопимся жить...»

Мы торопимся жить,
мы торопимся быть и остаться,
Память прошлого чтит
имена непрошедших минут.
Ах, на скольких фронтах
нам придётся ещё расстараться,
Понимая, что вслед нам,
наверно, уже не придут.
Мы приходим под шум
ослепительно-бешеных молний,
А уйдём в тишину
рассекаемых надвое ив.
И забывших о нас станет больше,
чем тех, кто нас вспомнит,
И когда-то соврут,
всех подробностей не сохранив.
Покривят зеркала —
не душой, но поверхностью гладкой,
Отражения нас
прочно стёрты глазами других.
Замутившийся было родник
снова в полном порядке —
Только не узнаём
мы себя в очертаньях чужих.
И тогда нас, покрытых
сияющей краской забвенья,
Притворившихся точкой
в конце малозначащих строк,
Возвратят навсегда
из постылого оцепенья
Семь изысканных нот
и немного хромающий слог.
Мы торопимся жить
и сказать, что ещё не успели,
И торопим полёт,
доводя до абсурда маршрут.
Позабудутся те,
кто надменно нас знать не хотели,
И тогда нас споют.
Вот тогда нас, наверно, споют!

12 июля 1989

**«Вы не напишете – все
те, кто пишут строчки...»**

Вы не напишете – все те, кто пишут строчки,
Пребудут в категории чужих,
Талантливо, изысканно немых
Во всех словах, включая сонный росчерк.

Вы не приснитесь, как другие, вскользь —
До ощущения яви и обмана,
Вы – не-герой не моего романа,
Так повелось.

Не спелось, не сложилось, обломалось,
Распалось, растворилось на лету
И кончилось, хотя не начиналось.
Вы мне напишете. Но я-то не прочту.

10 июля 1989

«Уходят просто – в одноактных строках...»

Уходят просто – в одноактных строках,
Недопоняв всего, что можно не понять,
Беспомощно, наивно и жестоко —
Ах, если б знать...

Остановить... Но поздно. Или рано.
А вовремя – нигде и никогда.
Не вспомнить снов. В полях цветут дурманы.
В руках – вода.

И что сквозь пальцы, что по воле зноя,
Не хватит капли – так уж испокон.
А привкус пепла – дело наживное —
Уйдёт и он.

Клин клином – невеликая наука.
Чем выше пламя – тем слабей закон.
А привкус памяти – досадливая штука —
Уйдёт и он.

Кострищ дурацких высока зарница,
Бледнеет небо. Пламя лижет рай...
Не пролетай над нами, Феникс-птица,
Не пролетай!

27 июля 1989

Надежда умирает последней

В какой земле очнёшься одиноко,
На золото меняя лунный свет?
Последняя сестра зеленоока,
Но ты уже не различаешь цвет.

Любовь продажна. Здесь не рабский рынок,
А безразлично-подлая игра.
Проигранный тобою поединок
Ещё ведёт последняя сестра.

В каких веках тебя оставит вера,
Не выдержав дикарского костра?
В расчётливых руках миссионера —
С тобою лишь последняя сестра.

В каких ночах ты будешь у бессониц
Молить о милосердном забытии?
Последняя сестра с небесных звонниц
Благословляет помыслы твои.

С какой границы ты уйдёшь до срока
За много тысяч лун до Судных Дней!
Последняя сестра зеленоока
Для тех, кто вечно следовал за ней...

21 сентября 1989

Памяти...

Сорок одна свеча в несуществующем храме.
На мозаичный пол падает белый свет.
И никого вокруг не обвинят в обмане
Все, кто молились здесь прошлые десять лет.

Всякому – свой Господь. И по нему моление.
Всякому – свой огонь – душу сжигать, скорбя.
Каждому – голос свой в тихом церковном пенье.
Разве не всё равно, слышит ли Он тебя?

Сорок одна весна в полузадушенном мире.
Белый кошмар страниц, где не бывать стихам.
Адский огонь не-сна в тихой ночной квартире,
Небо – и путь наверх, в несуществующий храм.

Каждому – свой закон, правда – в своём творенье,
Воля – в своих шагах в горный обвал бытия.
Несуществующий храм. Сорок одно мгновенье...
Разве не всё равно, слышит ли Он тебя?

9 сентября 1989

«Всё сводится к последнему лицу...»

Всё сводится к последнему лицу
Среди толпы, обременённой смыслом.
В финале будут заняты артисты,
А ты лишь подведёшь рассказ к концу.

Я знаю, это будет через год.
Да как не знать – стабильность безысходна.
Моя душа ещё во сне свободна...
Но это вряд ли что-нибудь спасёт.

Не доверять Создателю потом —
Ещё не значит – ни во что не верить,
Но ни одной бессмысленной потери
Не оправдать. Ни адом, ни крестом.

И всё же так: когда не будет нас
В очередном витке серебряной спирали,
Да будут те, кто нас не забывали,
Даруя или сохраняя шанс.

Во славу тех, чьи свечи загорались
В церквях вечерних улиц и квартир, —
Мы никогда не покидали мир,
Мы только на минуту отлучались.

* * *

Путь – отъезжающим, а нам —
Шаг на перрон.
У неизбежных зимних гамм
Один закон.
Ты слышишь? – Новый голос твой —
Пять первых нот...
Но над пронзённой тишиной
Застыл аккорд.

В который раз простит земля
Недолгий век
И Земляничные Поля
Укроет в снег.
В конце не будет ничего —
Ты и не ждешь.
Тебе откроется окно —
И ты уйдешь.
И кто-то примет твой полёт
И цвет лица,

И убеждение твоё —
Что нет конца.
За ночью будет только свет
И ветер с крыш...
И неоконченный сюжет
Ты завершишь.

16 декабря 1989

«За то, что веришь ты в счастливые концы...»

За то, что веришь ты в счастливые концы,
Тебе пытаться несчастья полной мерой.
Но да спасёт тебя святая вера
За то, что веришь ты в счастливые концы.

За то, что ты не запираешь дверь,
Тебе воздастся ложью и наветом.
Дай Бог тебе поменьше знать об этом
За то, что ты не запираешь дверь.

За силуэт на диске золотом
Ты продаёшь жемчужные ворота.
Счастливым путь! И не твоя забота
Всё то, что скажут о тебе потом.

За первые секунды бытия
И за его последние мгновенья,
За глупости, за позднее прозренье,
За возвращенье на круги своя,

За то, что далеко ещё до тьмы,
До неподвижности, до власти снега,
За счастье задышаться, глядя в небо,
За право слепнуть от голубизны,

За воду через выжженный песок,
За мост над бездной, дно в водовороте,
За смелый ход, за лишний час в цейтноте,
За силы на ещё один бросок,

За страх полёта и за сам полёт,
За пепелящий смерч преодоления,
За правильность внезапного решения,
За каждый новый предстоящий год,

За всё, что ночь отнимет у тебя,
Не обвинить судьбу в максимализме...
Но, Боже мой, как мало этой жизни
За всё, что ночь отнимет у тебя...

22 октября 1989

«Забудь меня, но не суди напрасно...»

Забудь меня, но не суди напрасно.
Я всё равно уйду, чего ж жалеть?
Всё, что хочу я, видно, так прекрасно,
Что даже не положено хотеть.

Мой тайный смысл ни разу здоровым не был.
И тем честней и чище был вдвойне.
Но я из тех, что, раз глотнувши неба,
Не могут больше не летать во сне.

Мы не виновны в том, что не простили,
Что и поныне помним всех иуд.
Как страшно то, что подрезают крылья.
Куда страшней, когда их с корнем рвут.

16 декабря 1989

«Молчанье безнадежно и старо...»

Молчанье безнадежно и старо.
И тяжело, как золотые слитки,
Для тех, кто не привык бывать в убытке,
Фальшивое надежней серебро.

Молчанье – гордость, слабость, выход, крах,
Попытка к бегству —
и попытка к чуду.
Последний шанс остановить Иуду,
Последний довод и последний страх.

И первый день, не прожитый тобой
В кругу надежной спутницы печали.
В конце концов – все ставят на любовь.
Я ставлю на молчанье.

Один мой путь уходит в никуда,
Другой мой путь выходит ниоткуда.
Я что-то обязательно забуду
Или не так запомню – и тогда,

Застигнута молчанием врасплох,
Я больше от себя не убегаю.
Я так живу, как я с собой играю.
И оставляю небу свой залог.

3 мая 1990

«Истина, ложь...»

Истина, ложь —
Беги от бумаги,
К листьям в овраге,
К пьяной отваге,
К зеркалу в саже,
К «бог-с-ним-что-скажут».
Сердце в беде. Маюсь.

* * *

Слово и ноты —
Вперёд, как придётся,
Завтра прочтётся или споётся,
Злобно порвётся,
Тушью зальётся,
Безоговорочно перечеркнётся...

* * *

Нам восходить – падать,
Трогать рукой небо,
Нам хохотать – плакать
Или просить хлеба,
Или мешать с тушью кровь...
Ступни в воде. Каюсь...

* * *

Больно...
Что-то сказать пытаюсь,
Но не скажу больше,
Тоньше, лезвие, тоньше...
Падая, загораюсь —
Трень о небо сильнее
Силы удара о землю...

* * *

Нехитрое дело – пепел,
Немного сложнее – пламя.
Играем двумя руками,
Передвигаем пешки.
Вечер – и смысла нет.
Завтра вставать чуть свет
И убирать головешки...

* * *

Белое-белое небо нотной бумаги.
Белые призраки стен и обрыв потолка.

Я закрываю глаза и набираюсь отваги,
И утверждаю теперь уже наверняка:
Этот рассудок мой не затуманить болью,
Пеплом пустых страниц не обесцветить мир,
Не ограничить сон утилитарной ролью,
Небо не заключить в тесные рамы квартир.
Где-нибудь есть зенит и на хрустальном своде,
И на церковной стене – солнцем нагретый край.
Мечущиеся в ночи – в краткий момент свободы
Не обретают покой, но познают рай!

9 марта 1990

«Пройтись по суете и самому...»

Пройтись по суете и самому
Достигнуть наконец пределов знания —
Достойнейшая цель существования,
Но только мне, пожалуй, ни к чему.

За ветреность посчитанный отказ,
Прошу понять, был выше всяких правил.
Он лишь одну химеру обезглавил —
А крылья дал не одному из нас!

Лето 1990

«Тебя и только лишь тебя...»

Тебя и только лишь тебя
Не ниспошлёт судьба в награду.
Уже потерянная власть
Низводит всех богов земных.
Невыносимо долог срок
Для покаяний и обрядов.
Невыносимо краток миг
Осуществления любви...

Июнь 1990

«Только не мимо...»

Только не мимо,
Только не вскользь,
И не в сердцах рукой.
Может, кому-то и быть поврозь —
Только не нам с тобой!
Жизнь не ускорить
И не продлить,
Не обмануть конвой.
Может, кому-то поврозь не быть,
Только не нам с тобой...

Август 1990

«Осколки зеркала страшны...»

Осколки зеркала страшны
Лишь дуракам – в них солнца больше.
Слой серебра на чаше тоньше —
Его разносят по рукам.
И каждый новый твой глоток
Тебя не делает богаче.
Чем выше храм – тем больше плача
И горя по его углам...

Июнь 1990

«Пока я не приведена к концу...»

Пока я не приведена к концу
Всего, чему назначено не сбыться,
Пока ещё читаю по лицу
Теперь давно исчезнувшего принца,
Пока стою на ненадёжном льду,
Наигранно-спокойно улыбаясь,
Пока ещё лечу, пока иду,
Пока ползу, за выступы цепляясь,
Пока ещё разыгранный сюжет
С успехом собирает четверть зала,
Пока ещё я вижу свет
В конце туннеля – не на дне бокала,
Пока ещё – в траве или в снегу —
Я у костра любого отогреюсь,
Пока не проводить ещё могу
Границы между «верю» и «надеюсь»,
Всё, что должно, – произойдёт сейчас,
Столетьем раньше и столетьем позже.
И, если Ты не существуешь, Боже,
В последний раз
Я обернусь открыто на восток
И отыщу глазами синий лотос...
Пока ещё не воцарился логос —
Единственное наше божество...

5 апреля 1990

«Пространство воли, замкнутое в круг...»

Пространство воли, замкнутое в круг
Пространства – воли.
Не помышляй теперь о лучшей доле
Для этих рук.

Они тебе даны затем, чтоб сжать
Свои крыла в горсти деревенелой,
Чтобы молить о чуде ночью белой
И – не роптать.

Они даны тебе, чтоб целовать
Сухие листья и больные травы,
И – так уж сотворил тебя лукавый —
Чтобы летать!

27 мая 1991

«До неба далеко – до счастья звонко...»

До неба далеко – до счастья звонко
Упасть.
За что, о Боже, на ребёнка
Напасть?

Верни блаженного – Вселенной,
Слепому – тьме,
Верни покой благословенный
Себе и мне.

Не путай правды и напраслин —
Я не сильна.
Существование – не праздник
И не вина.

Так изменилась суть блаженства
За суетой.
Ты тщетно ищешь совершенства,
Усталый мой.

Пока хоть что-то остаётся
В календарях,
Ты дай мне жить, пока поётся,
Пока заря...

И из всего, что мне зачтётся
У Царских врат,
Когда дорога пресечётся
Назад,

Как дорого ни обойдётся —
Ничто не зря!
Ты дай мне петь, пока поётся,
Пока заря.

Зачем Тебе мои обеты?
Ты видишь сам —
Свой мир, затихший перед Светом,
Я не предаю.

И не приду в Твои часовни
И в тишину.
Твой голос, неизменно ровный,
Я не приму.

Я не нарушу Твой порядок.
Но голос мой
Предстанет в мир Твоих загадок —
Ещё одной.

Осень 1990

«Не подьемли ресниц от книги...»

Не подьемли ресниц от книги,
Не криви окаянный рот.
Всё страшнее твои вериги,
Тяжелее из года в год.

И не жалоби своры спящих,
И не спрашивай, где предел.
Но воистину – да обрящет
Только тот, кто искать посмел...

9 октября 1991

Памяти деда

Погадай на гуще мрака,
Отодвинь свечу.
Пусть не воеет вслед собака —
Я уже лечу,

Разрываю, разрываю
Свой небесный круг,
И уж если умираю,
То легко и вдруг,

Оставляя ложь и славу,
Боль и благодать
Всем, кто потеряет право
Жить и не страдать.

Август 1990

«Затем ли мы приходим, чтоб забыть...»

Затем ли мы приходим, чтоб забыть,
Уйти – и не вернуться?
Затем ли мы воспрянем, чтоб почить,
Заснуть – и не проснуться?

Затем ли в этом мире нет иной
Дороги, кроме вечной укоризны,
Чтоб в Судный День воскликнуть: – Боже мой!
Нет ничего на свете лучше жизни!

18 мая 1991

«Спите, мои стихи...»

Спите, мои стихи,
Рядом со мной, во мне,
В небе и на земле —
Спите, мои стихи.

Тонет январь во мгле,
Будут года глухи.
В небе и на земле —
Спите, мои стихи.

Дело опять к войне,
Злые слова – лихи.
В небе и на земле —
Спите, мои стихи.

Спите, покуда снег
Всё обелит, чтоб впредь
На алтаре – вовек
Было чему гореть.

Только тогда, легки,
Сбросьте оковы лег.
В Небе и на Земле —
Пойте, мои стихи!

Пойте, мои стихи!
Время остыть золе.
В Небе и на Земле!
В Небе и на Земле!

26 октября 1990

«Тише, голос, громче, звук...»

Тише, голос, громче, звук
Неопознанной свирели,
В небесах недоглядели,
В преисподней сбыли с рук.

Между небом и землёй
Затеряться – непрестижно,
Размышленье неподвижно,
Как судьба над головой.

Будь то меч или звезда,
По рождению или славе, —
Камень судят по оправе —
По ошибке – вот беда.

Перевёртыша в толпе
Не затопчут только чудом,
Всё равно потом забудут,
Как неравного себе.

Он останется лежать
В придорожной мягкой пыли,
Тот, кого теперь забыли,
Не посмевающий выбирать.

Лето 1990

**«Я в Ваших руках –
как ожившее пламя...»**

Э.М.

Я в Ваших руках – как ожившее пламя,
Как новые силы, как поздние восходы.
Мы раньше встречались – не здесь и не с Вами.
Я призрак свободы.

За вечер до ночи, за ночь до рассвета
Мы кружимся в вальсе – по разные годы.
Я Вами любима на многие лета —
Как призрак свободы.

Когда-нибудь нас разведут километры,
Законы людей и законы природы.
И в Ваших руках два обратных билета —
Лишь призрак свободы!

6 декабря 1990

«Никому, никому, никому...»

Никому, никому, никому
Не нужна и не-интересна,
Не подруга – и не жена,
Просто – песня.

Прохожу, прохожу, прохожу
Мимо сада и мимо хлеба,
Ничего за душой не держу —
Кроме неба!

Не оправдываюсь, не виню —
Не в обиде. И не в ответе!
Только ветер под стать огню,
Только ветер!

14 января 1991

«Чей-то сон привиделся и сбылся...»

М.Цветаевой

Чей-то сон привиделся и сбылся,
Прежде чем ослепла под звездой.
Никому другому не случился —
Мне, исчезнувшая, голос твой!

Как рука, рождённая высоко,
Никогда не спавшая в гробу,
Опрокинутое небо окон —
К тяжело наморщенному лбу...

14 января 1991

«Мой таинственный друг, доколь...»

Ю.Л.

Мой таинственный друг, доколь
Не исчерпана эта драма,
В золочёных садах Приама
С нами радоваться изволь.

Видишь, радость моя, как встарь
Всё – не ново, но всё – не схема,
В опалённых садах Эдема
Воцарись, невенчаный царь!

Переполнена солнцем горсть,
Зачерпнувшая от покоя,
Виноградной увит лозою,
Отдыхай, мой чудесный гость.

Жизнь, не прожитая на треть,
Тяготит ещё слишком мало.
От свинцовой тоски бокала
Не тебе и не мне умереть...

Завершается трудный путь,
Все по кругу, мой друг, по кругу,
Дай же мне поскорее руку,
Постарайся теперь уснуть.

Непосильная твоя кладь
Непосильнее станет скоро.
От пожара и от позора
Не тебе и не мне страдать.

Не тебе и не мне, не – мне —
Перекличка под звуки утра.
Как все дети, легко и мудро
Улыбаешься ты во сне

И от пропасти в двух шагах —
Боже мой, ещё рано! Рано! —
В опустелом саду Гефсимана,
На моих занемевших руках...

10 июля 1991

«По рукам да по ногам – связана...»

По рукам да по ногам – связана,
Мужа грозного раба – разума,
Вниз по склону, по песку – разом и
Камнем, канувшим ко дну, —
Спать...

Сколько по разрыв-траве хожено,
Горе горькое, полынь – слаще, нет!
Сколько о крапиву рук сожжено,
Вниз по склону да в дурман —
Спать...

Не докличешься теперь – рано ли,
Не докличешься, поди, – поздно ли,
Не найти, не воскресить – раненых,
Не собрать, не помирить – розненных.

18 января 1991

«Как на воду сто венков спущено...»

Как на воду сто венков спущено,
Не богатого ищю – сущего,
Не учёного ищю – умного,
Не заводского гудка – струнного
Перебора – тихий звук, белый холм,
Да венки, да огонёк над венком
На Купалу в ночь...
Третьи сутки – дождь,
Третий год уж, как
Эхо – смолкнуло.
Ой, да куплен дом,
Да высок крыльцом,
Да широка дверь —
Не отомкнута...

25 марта 1991

«А ты и не знаешь, что я молюсь...»

А ты и не знаешь, что я молюсь
Весною, пробравшись в сад,
А ты и не знаешь, как я боюсь,
Что ты будешь мне не рад.

А ты и не вспомнишь, как я пою,
В небесный вступая храм.
И ты и не вздрогнешь, когда в бою
Поможешь моим врагам.

А ты и не знаешь, что на беду
Несу для тебя цветы.
И ты не узнаешь, что я уйду,
Когда возвратишься ты...

12 марта 1991

Великий Устюг

Тёте Марине

1

Раздай всё добро людям,
Тебе ещё вдосталь будет
Золота да бликов
В городе невеликом,
В городе-на-воде
Золота – как нигде!

В небе – во весь размах
Золото в куполах,
В колоколах, в ветрах
В поле,
С горки на горку – ах! —
Золото в двух шагах —
В воле!

Допьяна, досыта —
Светлые россыпи!

2

Сухонское серебро,
Звонкое, как хрусталь!
Да воспарит светло
Гордая твоя стать.

Звёздная твоя ночь,
Чистая твоя трель.
Сухонское серебро,
Лучшее на Земле!

23 июля 1991

«Я сегодня больна стихами...»

Я сегодня больна стихами.
Слышу я, как вокруг стихают
Звуки музыки и голоса,
И пылит мне в лицо дорога,
И в руках у весёлого Бога
Полыхающие небеса!

Знаю я, что болезнь смертельна,
Мне прописан режим постельный,
И не встать мне уже, не встать,
Не вернуться к исходной теме,
И небесную душу в теле
Приземлённом – не удержать!

Но в бреду, за чертой, на грани,
На великом огне познания
Наведённые сжечь мосты,
Чтобы, выбрав зерно от плевел,
Не винить этот горький пепел,
Что ладони мои пусты...

Июль 1991

«Кто нашептывает мне в тиши...»

Кто нашептывает мне в тиши:
«Ты пиши, пока живёшь, пиши!»
Кто подсказывает мне слова,
Убеждает: «Ты права. Во всём права».
Кто даёт мне силы и права,
Отнимает мой ночной покой,
Кто сияет в небе надо мной,
Управляется с моей судьбой?
Страшно мне одной в лесной глуши.
Друг, поговори теперь со мной!
Отвечает голос неземной:
«Ты пиши. Пока живёшь – пиши!»

10 июля 1991

«Берегите меня, берегите...»

Берегите меня, берегите!
Как подарок меня храните,
От соблазнов и от событий
На знакомый прядя порог.

Не корысти, а чуда ради
Нету окон в высокой ограде.
От серебряной нити до пряди
Лишь один
телефонный
звонок.

6 октября 1991

«Впустую жизнь моя идёт. Впустую...»

Впустую жизнь моя идёт. Впустую.
Пустынный берег мой уходит от меня.
И я молчу давно. И я не протестую.
Я ничего уже не буду изменять.

Когда б и дан зарок – не зарекаться,
Не отменить свершившегося сна:
Не изменять себе, не изменяться,
В чужих пирах не пробовать вина.

Век на реке – теперь застыли льдины.
Как судорогой плача сведен рот!
Вот катится под горку мой родимый
Нежданный, откровеннический год.

О чём жалеть мне и чего бояться?
Все будем живы, кончится война,
Не изменять себе. Не изменяться,
В чужих пирах не пробовать вина!

2 сентября 1991

«Струны тронь своей гитары...»

Струны тронь своей гитары —
Не фальшивят ли они?
Мы сегодня слишком стары,
Но ввиду вселенской свары
Мы сегодня не одни.

Мы статисты в этой драме.
Исповедники дорог.
Но, истерзаны боями,
Мы своё спасаем зная.
Это значит – с нами Бог!

17 октября 1991

«Белые ночи в Москве...»

Белые ночи в Москве!
Белые ночи в Москве!
Что ещё надобно мне —
Белые ночи в Москве!

Робкий туман по траве —
Как не поверить молве:
Ты ли научишь других – прясть
Тонкие кружева?
Что же ты дремлешь, Москва?
Раззолоти купола – власть!

Шорох по сонной воде —
Ночь? День?
Всплеск у прибрежных вериг —
Миг!

Утру, пришедшему вслед,
Пойте, колокола!
Белые ночи в Москве,
Два белоснежных крыла!

Вечный проход часовых —
Вспять, вспять.
Шёпотом вдоль мостовых —
Спать...

7 июля 1991

«Вот и стихает боль...»

Вот и стихает боль,
Дремлющая в виске,
Вечер идёт – король,
Странствующий налегке.

У переплётов книг
Слабый мерцает свет.
Вечер идёт – жених
В первом расцвете лет.

И из окон квартир,
Не досчитав потерь,
В небо глядится мир —
Радостный белый зверь...

20 декабря 1991

«Сюда заказан путь всем кораблям...»

Махоше

Сюда заказан путь всем кораблям,
От тёплых стран и государств холодных,
Моя Обетованная Земля,
Пристанище гонимых и безродных.

Пока царит весна в твоих садах,
Благоуханных и благословенных,
Душа – бессмертна и любовь – нетленна
И далеко до Страшного Суда!

22 октября 1991

«Всё это было не со мной...»

Всё это было не со мной:
Блистательно-неровный стол,
Год должен был начаться, но
Всё это было не со мной.

Я не стояла у стола,
Не отражалась в серебре,
Ведь я исчезла в декабре
И не стояла у стола.

Потом был ветер и февраль,
И заметённое окно,
И надо мной звенел хрусталь,
И было мне немного жаль,
А впрочем – было всё равно.

Ведь Вы не предали меня,
А просто позабыли звать.
И я могла не отвечать,
И в ночь не зажигать огня,

Не вздрагивать на скрип дверей,
Не ожидать вестей с гонцом...
В великолепном декабре
Все стало – сном...

2 декабря 1991

«Край зеркала, как всякое стекло...»

Край зеркала, как всякое стекло,
Хранит в себе загадочность обрыва.
Венецианское ещё вскипает диво,
А по осколкам плачут – всё равно.

Степенно пресекаются пути
У берегов – высоких и пологих.
Но непоколебим закон порогов,
Которые вторично не пройти.

20 февраля 1992

Мать

Святая Анна

Струны вместе не звучат —
Плачут в одиночку.
При полуденных лучах
Родила я дочку.

В дом Господень отдала,
В светлые хоромы.
Божий Ангел два крыла
Распахнул над домом.

Божий Ангел встал над ней
В славе или в ссоре.
Где-то свет моих очей
Спит, не зная горя.

Где-то молится за мать
Ангел мой послушный...
Глухо стану я рыдать
По ночам в подушку...

Сколько лет уж как в бреду —
По чужим заботам.
Я сама её сведу
К городским воротам.

Уходи с моей земли,
Утекай сквозь плиты.
Лучше странствовать в пыли,
Чем лежать убитой.

Уноси своё дитя
От земного люда,
Неизвестно, где сейчас
Родился – Иуда...

* * *

Что ж, и мне не быть в раю,
Коли так поспорю.
Сколько слёз ни утаю —
Все прольются морем!

Я Небесному Отцу
Прошепчу моленье,

Руки поднесу к лицу,
Стану на колени.

Только тот, кто был спасён,
Вспомнит эти руки,
Неизбежный, вещий сон
Материнской муки!

Вот и выйдет каждый вздох
Ветром в чистом поле.
И меня услышит Бог,
Коли так поспорю!

5 декабря 1991

Новогоднее посвящение себе

Докажи себе раз, докажи себе два,
Столько, сколько доказывать сможешь,
Что зимою по-новой пожухнет трава,
Что природа по-прежнему в чём-то права
И себя ты напрасно тревожишь.

Закажи себе строчки другого стиха,
Где всё кончится так, как придётся.
В счёт свершённого кем-то когда-то греха
И тебе это тоже зачтётся.

Не грусти. Не старей. Не разменивай смех
На красивые прописи в книге.
Золотые цепочки бывают у всех,
А чугунные – редки вериги...

24 декабря 1991

«Рождённая Печалью неземной...»

Рождённая Печалью неземной
Смотрение Небесное приемля,
Дитя моё, поговори со мной.
Я никогда не покидала землю,

Откуда же такая Высота,
Что и за краем неба и у края
Твои глаза, что два моих Креста,
И эта складка скорбная у рта...
Я знаю всё.
Я ничего не знаю...

26 января 1993

Ave

Приглушу задрожавшие струны,
Не нарушу Твой чуткий покой.
Белый полог простёрся над юной,
Над лучистой Твоей головой.

Солнце падает жадно и косо
Из-за шлюзов задёрнутых штор.
Ты свои золотистые косы
Заплетёшь у Небесных озёр.

Твой Венец уже дивно исплетен
Из созвездий, доселе немых.
Сохрани Тебя Боже от сплетен,
От невысказанных сплетен земных.

Осенённая Вышней прохладой,
Душной ночью спокойно вздохнёшь.
Сохрани Тебя Боже от смрада
Мелких податей, рыбы и кож...

Се Раба и послушная Воле
Господина – чем сердце томить?
Сохрани Тебя Боже от боли,
От которой нельзя сохранить.

И от всех искусителей ада,
Белоснежный Покров, сохрани!
День Седьмой да повеет прохладой
На припухшие веки Твои...

Одиночество строя и лада —
Одиночество новой Луны.
Спи, родная. Но только не надо
Видеть страшные, вещие сны...

14 марта 1992

«Замри, Мария! Зеркало не лжёт...»

Замри, Мария! Зеркало не лжёт.
Здесь был чужой – ты различала крылья.
Небесный гость, как скоро он уйдёт!
А ты – одна завоешь от бессилья,

Тебе одной не станет вера впрок
В холодных сумерках ночного Храма,
Когда под утро ты очнёшься: «Мама!»,
Впервые в жизни забывая: «Бог!»

1991

**«О люди, женщины!
Прислушайтесь – поёт...»**

О люди, женщины! Прислушайтесь – поёт
Одна из вас. Не правда ли, как странно?
Чужого языка напев гортанный
Кружится мерно ночи напролёт.

И сотни тысяч лун, внимая Ей,
Земля и Небо слиты воедино,
Пока Она поёт, качая Сына,
Похожего на ваших сыновей.

14 ноября 1991

Воскресение

За мгновение до срыва —
Тёплый шёлк знакомых слов.
Я Тебя узнала – диво,
Диво ли, что Ты – таков?

Не коснусь Тебя игриво,
Не нарушу Твой покой...
Я Тебе служила – диво,
Диво ли, что Ты – со мной?

Тихо шелестит олива,
Ангелы поют с небес...
Я Тебя любила. Диво,
Диво ли, что Ты – воскрес?..

25 февраля 1992

Преображение

Глаза откроются в бреду —
На этот раз не будет поздно.
В моих горах такие звёзды
Бывают только раз в году.

Глаза откроются – Его
Уже встречают на Фаворе.
Вскипает в белой пене моря
Небесной Славы торжество.

Глаза откроются во тьме —
Его распяли на рассвете.
Доносит оголтелый ветер
Проклятия моей стране.

Глаза откроются – в крови,
Гонениях, убийствах, смуте,
В одной-единственной минуте,
В одной-единственной Любви,

В одной-единственной, с Небес
Сияющей на землю брани.
Отвален погребальный камень.
Глаза открыты. Он – воскрес.

13 февраля 1992

«Далеко до урожая...»

Далеко до урожая,
Вьюга выстудит поля.
Эй, бояре, я – чужая,
Что ж не гоните меня?

Что ж дубовые ворота
Не запрёте от греха?
Или новая забота
Не печалит вас пока?

Не пристало вам, бояре,
На юродивых глазеть.
Я ж при новом государе
Буду те же песни петь

И на паперти под вечер
Вашей мелочью сорить,
И ребёночку при встрече
Божью правду говорить!

21 февраля 1992

«Ничего не возвращается...»

Ничего не возвращается.
Что же ты не рад?
Ты навеки с ним прощаешься,
А ведь он же – брат...

Ничего не возвращается,
Все плывёт из рук.
Ты его научишь каяться,
А ведь он же – друг.

С каждым шагом ближе к осени
Тропочка у ног.
Ты его пугаешь проседью,
А ведь он же – волк...

Он один – ответчик-стрелочник.
Свой средь пустоты...
Ты его продашь по мелочи,
А ведь он же – ты...

1 августа 1991

«Где-то у Неба притихшие трубы...»

Где-то у Неба притихшие трубы
Ждут Окончательных Дней.
Славная горечь сжигает мне губы
Горькой усмешкой своей.

Смерть кораблю на Эгейском просторе,
Коли певец – не Орфей.
Сгубят сирены, познавшие горечь,
Горькой усмешкой своей.

Тускло мерцает запретная чаша
Россыпью влажных камней.
Мы возвратимся в отечество наше
С горькой усмешкой своей.

Небо раскроет нам райские чаши,
Примет, как блудных детей,
Только Ему до конца просиявших
Горькой усмешкой своей.

24 марта 1992

«Мне было странно рвать его в саду...»

Мне было странно рвать его в саду,
Но я даю тебе цветок забвенья.
Ты только вздрогнешь от прикосновенья,
И я из памяти твоей уйду.

Грядёт покой, обещанный двоим,
Но новый свет рождает те же тени.
Ещё со мною ты, мой добрый гений,
И небо перед нами. Но под ним

Нет города, который полюбил
Мои шаги. Я ухожу изгоем.
Я стар и слаб. И я давно не стою
Прикосновенья осиянных крыл.

Когда б, о истина, не тяжкий крест – внимать
Тебе твоим свидетелем невольным!..
Я проклял город, где светло и больно,
Но перед ним с колен не в силах встать.

10 сентября 1992

**«Ты меня больше не
сможешь сломить...»**

Ты меня больше не сможешь сломить,
Ты меня больше не сможешь убить.
Вся и надежда – на тонкую нить,
И – никогда никого – не любить!
И – никогда ничего – не забыть,
Всех повстречать, а тебя – проводить,
Всех – накормить, а тебя – опоить,
Мягко стелить – да жестоко будить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.